

УДК 159.9**DOI: 10.34670/AR.2026.14.12.043****Роль опыта межгруппового взаимодействия в детерминации агрессивного поведения принимающего населения в отношении представителей иных этноконфессиональных общностей****Буланова Наталья Петровна**

Аспирант кафедры общей психологии,
Пензенский государственный университет,
440026, Российская Федерация, Пенза, ул. Красная, 40;
e-mail: psylab164@yandex.ru

Аннотация

Статья направлена на изучение влияния опыта межгруппового взаимодействия на агрессивное поведение принимающего населения в отношении представителей иных этноконфессиональных общностей. В результате регрессионного анализа построены статистические детерминационные модели агрессивного поведения с учетом опыта межгруппового взаимодействия принимающего населения с представителями иных этноконфессиональных общностей. Полученные результаты открывают возможность профилактики агрессивного поведения, адресной диагностики и психокоррекции в условиях межгруппового взаимодействия представителей принимающего населения и иных этноконфессиональных общностей.

Для цитирования в научных исследованиях

Буланова Н.П. Роль опыта межгруппового взаимодействия в детерминации агрессивного поведения принимающего населения в отношении представителей иных этноконфессиональных общностей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 4А. С. 432-440. DOI: 10.34670/AR.2026.14.12.043

Ключевые слова

Агрессивное поведение, принимающее население, этноконфессиональные общности, межгрупповое взаимодействие, этническая идентичность, толерантность, аккультурационные ожидания, копинг-стратегии.

Введение

Актуальность исследования заключается в проблеме изучения психологических детерминант агрессивного поведения принимающего населения в отношении представителей иных этноконфессиональных общностей, которая сопряжена со следующими аспектами:

1. С нарастающей остротой социально-политических проблем в условиях глобальной нестабильности. Усиление геополитических конфликтов, интенсификация миграционных процессов и рост культурного многообразия сообществ, приводят к нарастанию межэтнической и межконфессиональной напряженности. Рост ксенофобских настроений, дискриминационных практик и открытых агрессивных проявлений в отношении представителей иных этноконфессиональных групп не только дестабилизирует социальный климат, но и создает прямую угрозу национальной безопасности и территориальной целостности государств;

2. Феномен агрессивного поведения применительно к межкультурному взаимодействию рассматривается нелинейно. Факторы, выступающие переменными и агентами влияния различны. В рамках нашей темы изучаются разнообразные этноконфессиональные общности, что предполагает особый контекст социальной перцепции и стратегий межгруппового взаимодействия. В сочетании этнических и конфессиональных признаков усматриваются сложные механизмы стереотипизации, категоризации, идентификации, активации разнообразных состояний принимающего населения.

3. Изучение принимающего населения осуществляется в рамках различных научных направлений - социологии, экономики, антропологии - зачастую изолированно, без должной интеграции социально-психологической составляющей. Практически отсутствуют современные исследования, рассматривающие принимающее население как гетерогенную группу, внутренне дифференцированную по социально-экономическим, ценностным, возрастным и иным основаниям, что принципиально важно для прогнозирования вариативности установок по отношению к этноконфессиональным меньшинствам.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов: социальной остротой проблемы межэтнической и межконфессиональной агрессии в условиях глобальной нестабильности; теоретической неразработанностью понятийного аппарата и отсутствием интегративных моделей; эмпирической фрагментарностью исследований принимающего населения как гетерогенной группы; спецификой этноконфессиональных общностей как особого объекта социальной перцепции; региональным своеобразием российской полиэтнической среды; практической востребованностью результатов для профилактики межэтнической напряженности.

В рамках настоящего исследования агрессивное поведение рассматривается как форма социального поведения, характеризующаяся интенциональным причинением физического, психологического или символического вреда другому лицу или группе лиц. При этом ключевым признаком выступает направленность действия против воли объекта (жертва стремится избежать воздействия) и наличие у субъекта намерения причинить вред.

Данное определение опирается на классическое понимание агрессии, принятое в современной социальной психологии [Бэрн, 2014; Берковиц, 2007; Anderson, Bushman, 2001], и фиксирует два существенных признака: интенциональность как целенаправленность действия на причинение вреда; адресность как наличие объекта, не желающего подобного обращения.

Агрессивное поведение рассматривается как форма межгруппового взаимодействия, детерминированная специфическим положением сторон: принимающее население (ингруппа) -

представители иных этноконфессиональных общностей (аутгруппа). В этом контексте агрессия выступает инструментом защиты групповых границ, статуса и культурной идентичности.

Теоретический задел включает как классические теории – фрустрационную теорию агрессии, теорию социального научения [Bandura, 1973], общую теорию агрессии [Anderson, Bushman, 2002], так и современные интегративные подходы, затрагивающие объяснительную канву теорий межгрупповых отношений, социальной идентичности [Martinez, Van Prooijen, Van Lange, 2021; Tajfel, Turner, 1979], самокатегоризации [Tajfel, Turner, 1986], интегративную теорию угроз [Turner, Wetherell, Hogg, 1989], модель символической агрессии [Stephan, Stephan, 2001; Martinez, Van Prooijen, Van Lange, 2022], модель межгрупповой защиты [Van Zomeren, 2024], а также выявленные противоречия и неразработанные аспекты, обосновывающие актуальность и новизну исследования.

В современном теоретическом заделе российских ученых существуют работы, непосредственно затрагивающие проблематику социально-психологических предикторов агрессивного поведения принимающего населения в отношении представителей иных этноконфессиональных общностей. Прежде всего, следует выделить исследования А.Н. Татарко [Татарко, 2018; Tatarko, Berry, 2024] и Н.М. Лебедевой [Лебедева, 2024], выполненные в рамках интегративного подхода к изучению межгрупповых отношений на постсоветском пространстве. В частности, в работах этих авторов эмпирически подтверждено, что воспринимаемая дискриминация выступает значимым предиктором интолерантных установок, причем данный эффект наиболее выражен именно у групп большинства. Также А.Н. Татарко отмечает, что ценностные ориентации, доверие и воспринимаемая интегральная угроза как факторы влияния объясняют вариативность межэтнических установок. Даже социально-демографические характеристики, такие как тип расселения (компактное или дисперсное проживание) выступает модератором связи между социально-психологическими факторами и уровнем интолерантности.

Существенный вклад в разработку теоретических оснований для изучения предикторов агрессивного поведения вносит Т.Г. Стефаненко [Стефаненко, 2006], которая в своих работах развивает концепцию этнической идентичности как динамического, конструируемого феномена. Ею операционализированы такие ключевые параметры идентичности, как валентность, значимость этнической принадлежности и неопределенность в системе представлений о своей группе. Исследования Т.Г. Стефаненко утверждают, что позитивная этническая идентичность выступает ведущим фактором межгрупповой толерантности, тогда как неопределенность и негативная валентность идентичности связаны с ростом интолерантных установок и социальной дистанции по отношению к представителям иных этноконфессиональных групп.

Значимое место в российской этнопсихологии занимают также исследования Л.Г. Почебут [Почебут, 2020], посвященные анализу феноменов ксенофобии, экстремизма и этноцентризма. В ее работах обосновывается, что такие социально-психологические конструкты, как национализм, этническая предубежденность и авторитаризм, образуют взаимосвязанную систему диспозиций, предрасполагающих индивида к агрессивным реакциям в ситуациях межгруппового взаимодействия. Л.Г. Почебут также внесла вклад в разработку методического инструментария, позволяющего диагностировать выраженность указанных феноменов в различных социокультурных контекстах.

Несмотря на весомый вклад перечисленных подходов в понимание отдельных предикторов межэтнической напряженности, в них практически не рассматривается модулирующая роль

предшествующего опыта межгруппового взаимодействия как фактора, качественно изменяющего саму структуру детерминации агрессивного поведения. Большинство исследований изучают принимающее население как гомогенную массу, либо ограничиваются констатацией того, что позитивный контакт снижает предубеждения, а негативный - усиливает. Таким образом, выявление специфики психологической детерминации агрессивного поведения в группах с позитивным и негативным (или отсутствующим) опытом межэтноконфессионального общения является необходимым шагом для перехода от фрагментарного знания к интегративным моделям, позволяющим прогнозировать агрессивное поведение и адресно воздействовать на его ключевые драйверы в разных подгруппах принимающего населения.

Цель: установить роль опыта межгруппового взаимодействия в детерминации агрессивного поведения принимающего населения в отношении представителей иных этноконфессиональных общностей.

Объект исследования: агрессивное поведение принимающего населения как форма межгруппового взаимодействия.

Предмет исследования: предикторы агрессивного поведения принимающего населения в отношении представителей иных этноконфессиональных общностей.

Материалы и методы исследований

Исходя из проведенного теоретического анализа, выделены противоречия и проблема исследования. Опираясь на имеющийся теоретический задел проблемы, избраны следующие методы исследования: психодиагностическое тестирование, анкетирование, математико-статистический анализ данных, интерпретационные методы исследования.

В качестве методик психологической диагностики избраны: опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) С. Хобфолл (русскоязычная версия Н.Водопьяновой, Е.Старченковой), «Личностный опросник агрессивности (ВРАQ)» (А. Басс, М. Перри в адаптации С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского), опросник агрессивности (Л.Г. Почебут), Опросник «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), опросник «Культурно-ценностный дифференциал» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У.Солдатова, О.А.Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А.Шайгерова), шкала для определения индекса религиозной толерантности (Е.О. Беликова), шкала этнонациональных установок (О.Е. Хухлаев, И.М. Кузнецов, Н.В. Ткаченко), «Ценностный опросник» (Ш. Шварц), авторская анкета «Аккультурационные ожидания принимающего населения».

Выборочная совокупность сформирована методом квотной выборки с учетом половозрастных и территориальных характеристик. Опрос проведен в условиях очного анкетирования в Пензенской области и Республике Татарстан. Критериями включения в выборочную совокупность были: возраст от 18 до 60 лет, постоянное проживание в регионе не менее 10 лет, самоидентификация в качестве представителя принимающего населения (русские в Пензенской области; русские и татары в Республике Татарстан). В нее вошли: 520 человек. Социальная группа – принимающее население Пензенской области и Республики Татарстан, средний возраст которого составил 39,4 года, $SD = 10,2$. Из них мужчин – 49,2% (256 человек), средний возраст 38,7 года, $SD = 9,8$; женщин – 50,8% (264 человека), средний возраст 40,1 года, $SD = 10,5$. По уровню образования выборка представлена следующим образом: имеющие

среднее общее образование – 18,3% (95 человек), среднее профессиональное образование – 44,2% (230 человек), высшее образование – 37,5% (195 человек). По региональному признаку: Пензенская область – 50% (260 человек), Республика Татарстан – 50% (260 человек). По типу населенного пункта: городское население – 68,1% (354 человека), сельское население – 31,9% (166 человек). Все респонденты выборки являются русскоязычными.

Результаты и обсуждения

С целью изучения роли опыта межгруппового взаимодействия в детерминации агрессивного поведения принимающего населения в отношении представителей иных этноконфессиональных общностей был проведен регрессионный анализ.

В качестве зависимых переменных установлены характеристики: общая агрессивность, физическая, вербальная, косвенная агрессия, враждебность. В качестве независимых переменных избраны: толерантность, типы этнической идентичности, ценности, копинги, аккультурационные ожидания.

Построена регрессионная модель для выборки принимающего населения с негативным опытом взаимодействия. Модель получена для зависимой переменной – «Общая агрессивность».

Таблица 1- Результаты регрессионного анализа

№ п/п	Переменные	R ²	β	p
1.	Этноизоляционизм	0,55	0,45	p < 0,01
2.	Агрессивные действия (копинг)		0,3	p < 0,01
3.	Индекс толерантности		-0,35	p < 0,05
4.	Ценность безопасности		0,34	p < 0,05

Построенная регрессионная модель продемонстрировала статистически значимую и высокую объяснительную способность. Совокупный коэффициент детерминации составил R² = 0,55 (p < 0,01). Это означает, что включенные в модель четыре предиктора совместно объясняют 55% дисперсии в группе принимающего населения с негативным опытом межэтноконфессионального взаимодействия. Столь высокое значение R² свидетельствует о том, что выделенные детерминанты являются ключевыми для понимания механизмов агрессивного поведения в данной подгруппе.

Анализ стандартизованных коэффициентов регрессии (β) позволил оценить силу и направленность влияния каждого предиктора при контроле остальных переменных. Так, этноизоляционизм продемонстрировал наиболее сильный положительный вклад в предсказание общей агрессивности (β = 0,45, p < 0,01). Чем в большей степени респондент ориентирован на замкнутость в пределах своей этнической группы, избегание межэтнических контактов и воспринимает представителей иных этноконфессиональных общностей как угрозу культурной чистоте, тем выше уровень его генерализованной готовности к агрессивным действиям. Данный результат подтверждает, что изоляционистские установки выступают не просто сопутствующим феноменом, а самостоятельным и наиболее мощным драйвером агрессии в рассматриваемой группе.

Ценность безопасности также обнаружила значимый положительный эффект (β = 0,34, p < 0,05). Высокая значимость потребностей в защищенности, стабильности, порядке и гармонии парадоксальным образом усиливает агрессивные реакции в адрес представителей иных

этноконфессиональных общностей. Теоретическая интерпретация данного результата заключается в том, что в условиях воспринимаемой межгрупповой угрозы ценность безопасности гипертрофируется и начинает диктовать стратегию «силового сохранения статуса-кво», где «иные» или «чужие» маркируются как источник нестабильности и риска.

Индекс толерантности выступил единственным протективным фактором в модели, продемонстрировав отрицательный вклад в предсказание агрессивности ($\beta = -0,35$, $p < 0,05$). Низкий уровень толерантности значимо предсказывает высокую агрессивность, тогда как высокие значения толерантности выполняют функцию психологического тормоза, снижая категоричность восприятия «чужих», уменьшая воспринимаемую угрозу и блокируя активацию защитных агрессивных программ.

Агрессивные действия как копинг-стратегия показали значимый положительный вклад ($\beta = 0,30$, $p < 0,01$). Респонденты, склонные в стрессовых ситуациях, связанных с межгрупповым взаимодействием, реагировать прямыми агрессивными действиями, демонстрируют устойчиво более высокий уровень общей агрессивности. Данный паттерн закрепляется как доминирующий способ совладания с фрустрацией, вызванной присутствием или активностью представителей иных этноконфессиональных общностей.

Далее описана регрессионная модель в выборке принимающего населения с позитивным опытом общения с представителями иных этноконфессиональных общностей, представлена в табл.2.

Таблица 2 - Результаты регрессионного анализа

№ п/п	Переменные	R ²	β	p
1.	Толерантность	0.4	-0.45	$p < 0,01$
2.	Универсализм (ценность)		-0.32	$p < 0,01$
3.	Поиск социальной поддержки (копинг)		-0.2	$p < 0,05$
4.	Аккультурационные ожидания (интеграция)		-0.15	$p < 0,05$

Построенная регрессионная модель оказалась статистически значимой. Совокупный коэффициент детерминации составил $R^2 = 0,40$ ($p < 0,01$), что означает, что включенные в модель четыре предиктора объясняют 40% дисперсии общей агрессивности в группе принимающего населения с позитивным опытом межэтноконфессионального взаимодействия.

Толерантность оказывает наиболее сильный протективный эффект ($\beta = -0,45$, $p < 0,01$). Так, высокий уровень толерантности выступает преградой, снижающей вероятность агрессивных реакций в адрес представителей иных этноконфессиональных общностей. Ценность универсализма вносит значимый протективный вклад ($\beta = -0,32$, $p < 0,01$). Ориентация на понимание, терпимость, защиту благополучия всех людей независимо от их этнической или конфессиональной принадлежности - закономерно снижает агрессивные установки. Универсализм выступает ценностным антагонистом этноцентризма и этноизоляционизма, которые доминировали в группе с негативным опытом.

Копинг-стратегия «Поиск социальной поддержки» обладает статистически значимым детерминационным эффектом ($\beta = -0,20$, $p < 0,05$). Респонденты, склонные в стрессовых ситуациях обращаться за помощью к другим людям, в меньшей степени проявляют агрессию в адрес представителей иных этноконфессиональных общностей. Поиск социальной поддержки выступает ресурсной стратегией совладания, альтернативной деструктивному копингу (агрессивные и импульсивные действия), который был характерен для группы с негативным опытом.

Аккультурационные ожидания в форме интеграции внесли вклад в описательную регрессионную модель ($\beta = -0,15$, $p < 0,05$). В таком случае, интеграция как тенденция взаимного культурного обмена среди принимающего сообщества и представителей иных этноконфессиональных общностей снижает агрессию. А ассимиляционные ожидания наоборот выступают предиктором усиливающим агрессивность принимающего сообщества.

Выводы

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о наличии высокой детерминации агрессивного поведения таким типом этнической идентичности как – этноизоляционизм, копингом, направленного агрессивного действия в условиях стрессовой нагрузки, ценностью безопасности у представителей принимающего населения с учетом негативного опыта их взаимодействия с представителями иных этноконфессиональных общностей.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для:

- адресной диагностики факторов риска агрессивного поведения у представителей принимающего населения;
- разработки психокоррекционных и психопрофилактических программ, направленных на трансформацию деструктивных типов идентичности, формирование конструктивных копинг-стратегий и изменение аккультурационных ожиданий с ассимилятивных на интегративные;
- информационно-просветительской работы, направленной на повышение толерантности и снижение этноцентризма.

Библиография

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль: лучший в мире учебник по психологии агрессии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 510 с.
2. Бэрн Р. А. Агрессия / Пер. с англ. С. Меленевская, Д. Викторова, С. Шпак. 2-е изд. М. [и др.]: Питер, 2014. 411 с.
3. Лебедева Н.М. Идентичность, миграция и межкультурные отношения на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 353-359. EDN: IDPSIW.
4. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. EDN: GAVDWU.
5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению подгот. и специальности "Психология". 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2006. EDN: QPBYQR.
6. Татарко А.Н. Ценности россиян и интегральная угроза в межнациональных отношениях // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 110-120. EDN: YPTJSX.
7. Anderson C., Bushman B. Effects of Violent Video Games on Aggressive Behavior, Aggressive Cognition, Aggressive Affect, Physiological Arousal, and Prosocial Behavior: A Meta-Analytic Review of the Scientific Literature // Psychological Science. 2001. Vol. 12. P. 353. DOI: 10.1111/1467-9280.00366.
8. Anderson C., Bushman B.J. Human Aggression // Annual Review of Psychology. 2002. Vol. 53. P. 27-51. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135231.
9. Bandura A. Institutionally sanctioned violence // Journal of Clinical Child Psychology. 1973. Vol. 2(3). P. 23-24. DOI: 10.1080/15374417309532525.
10. Martinez C.A., Van Prooijen J.W., Van Lange P.A.M. Towards understanding its distinctive features across interpersonal and intergroup targets // Emotion. 2021. Vol. 22. P. 46-63. DOI: 10.1037/emo0001056.
11. Martinez C.A., Van Prooijen J.W., Van Lange P.A. A threat-based hate model: How symbolic and realistic threats underlie hate and aggression // Journal of Experimental Social Psychology. 2022. Vol. 103 (6). DOI: 10.1016/j.jesp.2022.104393.

12. Stephan W.G., Stephan C.W. Improving Intergroup Relations. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. 360 p. DOI: 10.1111/J.1559-1816.2000.TB02464.X.
13. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33-37. DOI: 10.13140/RG.2.2.30820.60809.
14. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago, 1986. P. 7-24.
15. Tatarko A., Berry J.W. Acculturation strategies and psychological adaptation of two generations of the same ethnic minority group in different sociopolitical contexts // International Journal of Intercultural Relations. 2024. T. 100. P. 101970. EDN: TQBXZM.
16. Turner J.C., Wetherell M.S., Hogg M.A. Referent informational influence and group polarization // British Journal of Social Psychology. 1989. Vol. 28. P. 135-147.
17. Van Zomeren M. Collective Action // Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. 2024. P. 1089-1091. DOI: 10.1007/978-3-031-17299-1_433.

The Role of Intergroup Interaction Experience in the Determination of Aggressive Behavior of the Host Population Towards Representatives of Other Ethno-Confessional Communities

Natal'ya P. Bulanova

Postgraduate Student of the Department of General Psychology,
Penza State University,
440026, 40, Krasnaya str., Penza, Russian Federation;
e-mail: psytab164@yandex.ru

Abstract

The article is aimed at studying the influence of intergroup interaction experience on the aggressive behavior of the host population towards representatives of other ethno-confessional communities. As a result of regression analysis, statistical determination models of aggressive behavior have been constructed, taking into account the experience of intergroup interaction of the host population with representatives of other ethno-confessional communities. The results obtained open up the possibility of preventing aggressive behavior, targeted diagnostics, and psychocorrection in the conditions of intergroup interaction between representatives of the host population and other ethno-confessional communities.

For citation

Bulanova N.P. (2026) Rol' opyta mezhgruppovogo vzaimodeystviya v determinatsii agressivnogo povedeniya primayushchego naseleniya v otnoshenii predstaviteley inykh etnokonfessional'nykh obshchnostey [The Role of Intergroup Interaction Experience in the Determination of Aggressive Behavior of the Host Population Towards Representatives of Other Ethno-Confessional Communities]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (4A), pp. 432-440. DOI: 10.34670/AR.2026.14.12.043

Keywords

Aggressive behavior, host population, ethno-confessional communities, intergroup interaction, ethnic identity, tolerance, acculturation expectations, coping strategies.

References

1. Anderson, C., & Bushman, B. (2001). Effects of violent video games on aggressive behavior, aggressive cognition, aggressive affect, physiological arousal, and prosocial behavior: A meta-analytic review of the scientific literature. *Psychological Science*, 12, 353. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00366>
2. Anderson, C., & Bushman, B. J. (2002). Human aggression. *Annual Review of Psychology*, 53, 27-51. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135231>
3. Bandura, A. (1973). Institutionally sanctioned violence. *Journal of Clinical Child Psychology*, 2(3), 23-24. <https://doi.org/10.1080/15374417309532525>
4. Baron, R. A. (2014). *Aggression* (S. Melenevskaya, D. Viktorova, & S. Shpak, Trans.; 2nd ed.). Piter. (Original work published in English)
5. Berkowitz, L. (2007). *Aggression: Its causes, consequences, and control: The world's best textbook on the psychology of aggression*. Prime-EVROZNAK. (Original work published in English)
6. Lebedeva, N. M. (2024). Identichnost, migratsiya i mezhkulturnyye otnosheniya na postsovetkomprostranstve [Identity, migration and intercultural relations in the post-Soviet space]. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 353-359. EDN: IDPSIW. (Original work published in Russian)
7. Martinez, C. A., Van Prooijen, J. W., & Van Lange, P. A. M. (2021). Towards understanding its distinctive features across interpersonal and intergroup targets. *Emotion*, 22, 46-63. <https://doi.org/10.1037/emo0001056>
8. Martinez, C. A., Van Prooijen, J. W., & Van Lange, P. A. (2022). A threat-based hate model: How symbolic and realistic threats underlie hate and aggression. *Journal of Experimental Social Psychology*, 103(6). <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2022.104393>
9. Pochebut, L. G. (2020). *Kross-kulturnaya i etnicheskaya psikhologiya* [Cross-cultural and ethnic psychology] (2nd ed., rev. and exp.). Yurayt. EDN: GAVDWU. (Original work published in Russian)
10. Stefanenko, T. G. (2006). *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology] (4th ed., rev. and exp.). Aspekt Press. EDN: QPBYQR. (Original work published in Russian)
11. Stephan, W. G., & Stephan, C. W. (2001). *Improving intergroup relations*. Sage Publications. <https://doi.org/10.1111/J.1559-1816.2000.TB02464.X>
12. Tajfel, H., & Turner, J. C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33-37). Brooks/Cole. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.30820.60809>
13. Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In *Psychology of intergroup relations* (pp. 7-24). Nelson-Hall.
14. Tatarko, A. N. (2018). Tsennostirossiyan i integralnaya ugroza v mezhetnicheskikh otnosheniyakh [Values of Russians and integral threat in interethnic relations]. *Voprosy Psichologii*, 4, 110-120. EDN: YPTJSX. (Original work published in Russian)
15. Tatarko, A., & Berry, J. W. (2024). Acculturation strategies and psychological adaptation of two generations of the same ethnic minority group in different sociopolitical contexts. *International Journal of Intercultural Relations*, 100, 101970. EDN: TQBXZM.
16. Turner, J. C., Wetherell, M. S., & Hogg, M. A. (1989). Referent informational influence and group polarization. *British Journal of Social Psychology*, 28, 135-147.
17. Van Zomeren, M. (2024). Collective action. In *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research* (pp. 1089-1091). https://doi.org/10.1007/978-3-031-17299-1_433